

Малер Аркадий Маркович,
философ, политолог,
глава интеллектуального клуба “Катехон”,
преподаватель философского факультета Государственного Академического университета гуманитарных наук,
член Синодальной Библейско-богословской комиссии и Межсоборного присутствия Московского Патриархата.

Доклад на конференции рабочей группы “Церкви в Европе”
российско-германского форума “Петербургский диалог”
5 июня 2014 года.

Христианские основы европейской идентичности

1.

Основная проблема современной европейской цивилизации заключается в том, что она перестала быть европейской. Произошло это по причине не каких-либо внешних тонких инсинуаций или прямых вызовов, а в результате совершенно добровольного отказа многих европейских элит, – в первую очередь, тех, кто формирует Европейский союз, – от основ европейской идентичности, главной из которых является христианство.

Разумеется, речь не идет о том, что каждый европеец обязан быть убежденным христианином, тем более, христианином какой-то конкретной конфессии. Призыв к спасению во Христе каждая Церковь обращает ко всему человечеству, а не только к европейцам, и как именно отвечать на этот призыв, каждый должен решить для себя сам. Но если такое понятие как “Европа”, “европейская культура” или “европейская цивилизация” имеют какое-то внятное содержание, позволяющее нам отличить их от других культур и цивилизаций, то тогда, независимо от личного отношения к христианству, придется признать, что без христианского фундамента Европейский дом обречен рухнуть.

В этой связи необходимо определиться с самим понятием “Европы”, потому что противники христианской доминанты европейской идентичности далеко не всегда выступают именно против христианства – зачастую мы имеем дело с последовательными секулярными либералами, которые в принципе отрицают какое-либо конкретное культурное содержание этого понятия. Поэтому, прежде чем ответить на вопрос о том, каково значение христианства в становлении европейской идентичности, стоит определиться с вопросом о том, должны ли быть у этой идентичности хоть какие-то конкретные признаки?

Апологеты проекта Евросоюза, среди которых можно вспомнить, с одной стороны, либерального философа Юргена Хабермаса, а с другой стороны, философствующих журналистов Бернара-Анри Леви и Андре Глюксмана, говорят, что “*Европа – это идея*”, и с этой формулой могут согласиться практически все европеисты. Но в чем заключается эта идея? Если это чисто виртуальная идея, никак не привязанная к конкретной истории конкретных наций, то тогда зачем называть ее “Европой”? В этом отношении даже русские большевики были честнее: в отличие от царя Петра I, они никогда не говорили, что хотят насадить в России “европейские” или “западные” ценности, они прямо считали свои ценности общечеловеческими и видели себя проводниками общечеловеческого прогресса. Поэтому построенное большевиками государство по своему названию было абсолютно космополитично: в нем было целых четыре слова, но ни одно из них не указывало на то, где это государство находится и кто в нем живет. “Союз Советских Социалистических Республик” мог располагаться на любом континенте или даже на самой Луне, если бы там была возможна жизнь. Но название “Европейский Союз” и, связанные с ним, понятия “европейских ценностей”, “европейского пути развития”, “европейского выбора” и т. п. все-таки предполагают определенную геоисторическую конкретику. В противном случае, если само слово “Европа” употребляется здесь случайно и на его месте, с тем же успехом, мог быть любой другой топоним, не честнее ли будет нынешним апологетам Евросоюза отказаться от этого названия и перестать вводить в заблуждение миллионы европейцев и не-европейцев, которые искренне видят в этом союзе наследника 25-вековой цивилизации, имеющей вполне определенные черты? Я уверен, что если бы Евросоюз переименовали в Союз Секулярных Либеральных Республик, то всё бы встало на свои места и многие вопросы были бы сняты сами собой.

Между тем, если мы обратимся к истокам самого проекта Евросоюза, то увидим, что среди его идеологов было много убежденных христиан и в самом этом проекте культивировалось христианское начало. Вспомним, что еще в начале XX века значительную роль в политической жизни европейских стран играли

различные движения и партии христианско-демократического, а также христианско-социалистического толка, голоса которых в итоге заглушили тоталитарные марши справа и слева. Но после Второй мировой войны в Европе христианско-демократические движения вновь возродились и получили довольно большую поддержку избирателей, желающих оставаться европейцами, избегающих правых и левых крайностей. Первые демократические лидеры ведущих стран Западной Европы после войны были убежденными христианами – это и Конрад Аденауэр в ФРГ (1949-63 гг., Христианско-демократический союз), и Альчиде де Гаспери в Италии (1945-53 гг., Христианско-демократическая партия), и Шарль де Голль во Франции (1959-69 гг.).

Именно эти движения и их лидеры, во многом, стояли у истоков проекта Евросоюза. Достаточно привести тот всеми забытый факт, что сам флаг Евросоюза имеет христианское происхождение. На первоначальном эскизе флага Совета Европы в центре располагался христианский Крест, окруженный двенадцатью звездами, взятыми из апокалипсического видения жены “*облаченной в солнце, под ногами её луна, и на главе её венец из двенадцати звёзд*” (Откр 12:1). Использование этого символа совершенно естественно, потому что, если и был какой-то символ, объединяющий Европу и во всем мире ассоциирующийся именно с Европой, то это, прежде всего, христианский Крест. Именно христианский Крест был также одним из символов не только антикоммунистического, но и антифашистского сопротивления – можно вспомнить Исповедующую церковь в Германии или Французское Сопротивление, на знамени которого был изображен Лотарингский Крест, оставшийся с тех пор символом голлизма. Вдохновителям новой объединенной Европы в голову не могло прийти, что когда-нибудь в Западной Европе христианский Крест будет считаться “неполиткорректным” символом, якобы оскорбляющим чьи-то чувства. Вряд ли нужно говорить, что значит стесняться Креста для нас, христиан, – это значит отречься от главного орудия нашего спасения, то есть отречься от самого Христа.

Именно это отречение совершил Евросоюз, начиная с того момента, как сначала отказался от изображения Креста на своем флаге, а оставшиеся двенадцать звезд в официальном пояснении 1955 года соотнес с “двенадцатью знаками зодиака”, и заканчивая “Лиссабонским договором” 13 декабря 2007 года, разрушившим последние надежды на признание христианства хотя бы одним из источников европейской идентичности.

2.

Европейская идентичность основана на двух столпах – на античной, то есть греко-римской культуре, и на христианском Откровении, наполнившим эту культуру единым мировоззрением. Если в античном наследии выделить его основные, уникальные начала, то это, конечно, греческая философия и римское право. Поэтому, даже такой, вполне либеральный политик, как первый федеральный канцлер ФРГ Теодор Хойс (1949-59 гг.) утверждал, что Европа стоит на трех холмах: на Акрополе, давшем ценности свободы, философии и демократии, на Капитолии, давшем римское право, и на Голгофе, иначе говоря, на христианской вере. Но обратим внимание, что при всем безусловном значении греческого и римского начал, мировоззренческое единство Европы впервые было обеспечено именно христианством – ни греческая философия, ни Римская империя не могли дать всем жителям Европы единую систему ценностей. Ключевую роль в этом процессе, конечно, играл император Константин Великий, чье имя, к сожалению, всё менее известно современному человеку, как и основанная им Новая Римская империя, названная ее критиками в XV веке “византийской”. Именно синтез античного культурного наследия и христианского мировоззрения предопределил единство европейской культуры, а следовательно, и европейского самосознания.

И вот здесь нужно сказать самое главное: в центре этой культуры, безусловно, полагается *ценность человеческой личности*, – именно этим она отличается от всех других, неевропейских культур. Но это ценность именно *личности*, конкретного свободно-разумного существа, а не абстрактного атомарного индивида либеральных утопий, лишённого каких-либо внятных духовно-телесных признаков. В греческой философии и древнеримском праве уже существовала определенная интуиция понятия личности, способствующая развитию уникального европейского гуманизма. Но эта интуиция личности была только благим пожеланием, поскольку не имела того фундаментального онтологического обоснования, которое оно получила только в христианстве. Именно в христианском богословии, в процессе осмысления соотношения Лиц в Божественной Троице и природы в Иисусе Христе, появилось *понятие личности*. Сам Бог является личностью и человек определяется как личность именно потому, что он создан по образу и подобию Божию. Следовательно, такие неотъемлемые свойства личности, как свобода и разумность, а также способность к общению, творчеству и сотворчеству с другими личностями, вовсе не завоеваны самим человеком в процессе некой эволюции, а изначально даны ему – таковы его “онтологические права”, предшествующие каким-либо политическим правам.

Однако секуляризация европейской культуры в эпоху Нового времени сохранила многие христианские ценности, начиная с ценности личности, но лишила их своего онтологического основания, вернув, тем самым, в положение виртуальных благопожеланий. Отсюда, в частности, возникло либеральное оправдание абортов, ведь с секулярной точки зрения не только человечество как вид, но и каждый индивид вида *homo sapiens*, обретает свою человечность только лишь в процессе своего развития. И ни один атеистический ученый не может внятно объяснить, когда именно человек становится личностью – когда его вынимают из тела матери или когда он заканчивает университет? А ведь это лишь один из многих примеров того, как отказ от Бога неизбежно приводит к отказу от человека.

Из всего вышесказанного вовсе не следует, что современной Европе нужно абсолютно отказаться от любого либерализма и, тем более, любого гуманизма. Наоборот, речь идет о том, что последовательная секуляризация во имя каких-либо общечеловеческих идеалов подрывает сами эти идеалы. Гуманистические ценности могли возникнуть только на почве христианства с его представлением об онтологической ценности человеческой личности, но, оторвавшись от этой почвы, они “повисли в воздухе”, стали пустой “вещью-в-себе” и “для себя”, впоследствии чего радикализировались до абсурда, свелись к ни к чему не обязывающим абстракциям.

Чтобы исправить такое положение, необходимо вернуть гуманистическим ценностям их онтологическое содержание. В частности, это касается понятия *свободы* – центральной декларативной ценности современного Евросоюза. В христианстве свобода является изначальным, неотъемлемым свойством человеческой личности как образа Божия, позволяющим личности совершать выбор и общаться с самим Богом. Но такой выбор имеет смысл только потому, что другой стороной свободы является также ответственность человека за свой выбор – ответственность, обеспеченная разумом. Именно поэтому большинство философов-персоналистов определяли личность как свободно-разумное существо, а иначе говоря – *свободно-ответственное* существо. Современный либерализм наделяет индивида максимальным количеством свобод, сводя к минимуму его ответственность, в связи с чем современный человек всё более задается вопросом о том, *что* окружающий мир должен ему, а не о том, *что* он сам должен миру.

Но как возможно воссоединить свободу и ответственность, если это лишь красивые слова, придуманные эволюционировавшим животным с номенклатурой *homo sapiens*? Только на пути онтологизации этих ценностей, возможно только в христианстве. И об этом давно пишут многие христианские мыслители нашего времени, в частности, сам Предстоятель Русской Православной Церкви, Патриарх Кирилл посвятил этой теме отдельную книгу “*Свобода и ответственность: в поисках гармонии*” (2008).

Но если мировоззренческие ценности европейского гуманизма, декларируемые Евросоюзом, имеют христианскую подоснову, то, тем более, невозможно себе представить внешнюю сторону европейской культуры без христианского фундамента, невозможно элементарно понять эту культуру, как мы понимаем любой осмысленный текст. Начать с того, что мы, европейцы, отсчитываем летоисчисление от Рождества Христова и благодаря императору Константину (с 321 г.) седьмой день недели, как день Воскресения Христова, стал у нас выходным днем. Прекрасно понимая значение хронологии для исторического самосознания народа, антихристианские революционеры во все времена стремились заменить христианский календарь своим, что было и во времена якобинского террора во Франции, и в эпоху коммунистического террора в России. Но каждый раз такие эксперименты проваливались, и даже в СССР седьмой день недели продолжал называться воскресеньем. Можно быть уверенным в том, что однажды мы услышим либеральные голоса, призывающие Европу отказаться от своего календаря как излишне “неполиткорректного” и якобы ущемляющего какие-то меньшинства. Эти же голоса призовут отказаться от привычной географической карты мира, в центре которой, как и в средневековые времена, до сих пор расположен Иерусалим. А также от семи музыкальных нот, поскольку они названы по первым слогам молитвенного гимна Иоанну Крестителю (Гвидо д`Ареццо (990-1050)). А ведь это довольно безобидные призывы на фоне тех, что уже реализовались – разрушения патриархальной семьи, легализации абортов, гомосексуализма, смены пола, суррогатного материнства и т.п.

Но как ни выхолащивать из понятия Европы ее христианское начало, сама культура будет сопротивляться этому опустошению. Как понять всю классическую европейскую литературу, не зная и не понимая Библии? Как понять классическую живопись и архитектуру, начиная с самих икон и храмов? Как постичь европейскую философию, начиная с патристики и схоластики, не зная и не понимая основ христианского богословия? Наконец, как можно адекватно понять саму европейскую историю, понять причины многих межконфессиональных конфликтов в Европе, вплоть до нашего времени, если мы не понимаем религиозные мотивы их участников? Россия прошла через подобный опыт в XX веке, когда рядовые граждане на протяжении семидесяти лет практически не могли достать Библию, посещение храмов грозило

политическими преследованиями, а советские учителя истории и литературы не могли ответить на вопрос о том, чем Новый Завет отличается от Ветхого, не говоря уже о том, что означают какие-либо христианские реминисценции у Пушкина, Гоголя или Достоевского. Но Россия преодолела эту тоталитарную секуляризацию, и последние четверть века в нашей стране мы наблюдаем постоянно возрастающее церковное возрождение. Вместе с этим Россия сегодня открыто позиционирует себя оплотом традиционных европейских ценностей, что в самом российском обществе находит на редкость широкую поддержку.

Если же страны Евросоюза продолжают идти по пути непримиримой либерализации, то их ожидает еще больший секулярный тоталитаризм, потому что он будет провозглашен сущностью самой Европы, а вовсе не чем-то навязанным извне, как это было в России. И тогда христианство в Европе ожидает эпоха новых гонений и катакомб, как будто оно уже находится не на своем историческом континенте и как будто Европа христианству ничем не обязана. Но, если теперь секуляризм становится сущностью европейской идентичности, то на каком основании мы, вообще, можем называть ее “европейской”?

Между тем, некоторые тенденции позволяют надеяться на то, что в Европе еще есть достаточно много трезвомыслящих христианских сил, способных предложить свой, либерально-консервативный вариант евроинтеграции, по отношению к которому ни у кого не возникает вопроса – “причем здесь Европа”?